
ИТОГ КОЛЛЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

(Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: «Индрик», 2008. — 480 с.)

26 декабря 2008 г. в рамках круглого стола научного журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» состоялась презентация коллективной монографии д. и. н. А. А. Горского, д. и. н. В. А. Кучкина, к. и. н. П. В. Лукина и к. и. н. П. С. Стефановича «Древняя Русь: очерки политического и социального строя».

Авторы рассказали о своих разделах книги, охарактеризовав, в первую очередь, те результаты исследований, которые явились новаторскими, во многом меняющими представления о политико-административной структуре и функционировании социально-политических механизмов в Древней Руси.

А. А. Горский в своем выступлении коснулся замысла коллективной монографии. Замысел работы возник через несколько лет после появления в Институте российской истории Центра по истории Древней Руси, когда стало ясно, что собравшиеся в нем сотрудники (несмотря на принадлежность к разным поколениям) придерживаются некоторых общих принципов, подходов к работе с источниками, предусматривающих, в частности, необходимость учета всех сведений, имеющих отношение к теме (этот принцип, как ни странно, далеко не всегда соблюдается в работах по раннему русскому Средневековью, вопреки постоянным сетованиям авторов на скудость источниковой базы). Для коллективного труда были выбраны проблемы политического устройства и истории тех социальных групп, которые участвовали в управлении, т. е. влияли на политическое развитие.

Раздел «Земли и волости» посвящен территориально-политической структуре Руси домонгольского периода. В историографии составные части Руси как в период единого государства, так и в эпоху так называемой раздробленности обычно называют «княжествами», но такого термина на самом деле в домонгольский период не существовало. Для обозначения политических образований применялись понятия «земля» и «волость». В науке они часто выступают как равноценные, но в источниках между ними обнаруживается относительно строгое (по меркам Средневековья, для которого вообще нехарактерна терминологическая строгость) соподчинение. «Землями» именовались независимые государства; на Руси в XI — начале XII в. существовала одна «земля» — «Русская», т. е. государство в целом. Его составные части именовались «волостями». Это были крупные территориальные единицы со стольными городами. Причем «волость» выступает как княжеское владение — владение представителя правящего рода под верховной властью киевского князя. Оснований видеть в «волости» государство-общину во главе с городом источники не дают. В XII в. крупные «волости» начинают именоваться «землями», т. е. обретают в глазах современников статус независимых государств. «Волостями» теперь именуется княжеские владения внутри «земель», которыми владели те или иные представители княжеских ветвей под верховной властью главного князя «земли». Примечательно, что позднейшее, известное с XIV по начало XX в., значение понятия «волость» — административный округ с несколькими сельскими поселениями, не имеющий на своей территории города, — в домонгольский период не фиксируется. Применять его к такого рода небольшим территориальным единицам, как это часто делается в историографии, для данной эпохи, таким образом, неправомерно. «Волость» XI — начала XIII в. — это территориальное образование со стольным городом.

В. А. Кучкин в начале своего доклада обратился к работе Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси», которая была опубликована в 1907 г. и сразу же вызвала многочисленные и оживленные отклики. Н. П. Павлов-Сильванский, исследуя социальные отношения в древнерусском обществе, по-новому поставил вопрос об историческом развитии России. Историк доказывал, что Русь-Россия шла по тому же пути, что и главные европейские страны: Франция, Германия, Англия, ее общественный строй в принципе был таким же, как там, феодальным. Феодалы, сначала светские в

лице князей, бояр, княжеских слуг, верхушки служных людей, а затем церковные в лице церковных иерархов, монастырей и соборов, столетиями вели наступление на рядовое население, отбирая у него землю и угоды, обременяя податями и натуральными повинностями, сужая его права. Это население, в свою очередь, организовывалось в общины, пытавшиеся коллективно противостоять феодальной экспансии и эксплуатации. Этот новый взгляд на русское прошлое появился неслучайно. Он был вызван теми социальными сдвигами и общественными потрясениями в русском обществе, что так ярко проявились в конце XIX — начале XX столетий, когда шли стачки рабочих, волнения крестьян, а в 1905 г. разразилась первая русская революция. Сам Н. П. Павлов-Сильванский был деятельным членом сформированной в октябре 1905 г. Конституционно-демократической партии. Партия ставила своей целью изменение самодержавного строя в России, такая задача требовала реформ собственности, налогообложения и суда, появления новых политических институтов, изменения прав и обязанностей всех, населявших Российскую империю. Для решения таких вопросов всегда нужны аналоги, а их можно заимствовать или из прошлого собственной страны, или из истории других стран и народов. Исследования Н. П. Павлова-Сильванского открывали широкие дороги в этих направлениях. Во-первых, выяснялось, что самодержавная власть в России имела свое историческое начало, а стало быть, должна иметь и конец. До самодержавия существовал народ, основная масса населения, которая определенным образом самоорганизовывалась, и такие формы можно было использовать и в будущем. А в целом Россия должна была повторить путь Западной Европы, по которому она, как старался показать Н. П. Павлов-Сильванский, шла уже по меньшей мере с XII в. В 1910 г. посмертно был издан главный труд Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси», где развивались те же идеи, но на более многочисленном и представительном материале источников XIV—XVI в.

Концепция Н. П. Павлова-Сильванского нашла широкую поддержку в либеральных интеллигентских кругах русского общества начала XX в. Почти во всех рецензиях на труды историка были поддержаны его идеи, которые позднее, уже в советское время, легли в основу изучения прошлого России. Именно в основу, хотя формальное осуждение Н. П. Павлова-Сильванского как буржуазного ученого получило в советской исторической литературе широкое распространение. Его обвиняли в непростительных методологических ошибках, например таких, как отрицание связи политических и юридических феодальных институтов с основополагающей для средневекового общества собственностью феодалов на землю, однако спокойно разделяли доводы исследователя в пользу раннего существования на Руси вассалитета и сюзеренитета, крупных светских и церковных вотчин, феодального иммунитета, крестьянской общины, которая объявлялась основной формой организации рядового сельского населения. Утверждения об общинном народном строе Древней Руси оказались весьма кстати при формировании в 20—30-е годы XX в. различных артелей, коллективных крестьянских хозяйств, товариществ и союзов. В итоге в исторической науке появилось целое направление, объявившее общину основой русского исторического развития, усматривавшее общину в каждом городе и каждом селе и приписывавшее ей большое влияние на политические события русского Средневековья.

Между тем ни сторонники, ни противники идей Н. П. Павлова-Сильванского никогда не ставили вопроса о том, насколько были обоснованы источниками выводы исследователя, весь ли дошедший до нас документальный и нарративный материал был использован им для выяснения тех или иных аспектов социальной истории Руси, корректной ли была методика изучения этого материала, применявшаяся ученым, свидетельствуют ли источники о существовании именно тех социальных групп и социальных институтов, которые в первую очередь интересовали Н. П. Павлова-Сильванского.

В представляемой коллективной монографии рассмотрена одна из главных проблем, разрабатывавшихся Н. П. Павловым-Сильванским, — проблема существования древнерусской общины. Выясняется, что существование общины в средневековой Руси историк доказывал упоминанием в ранних источниках таких должностных лиц, как десятские и сотские, которые во времена самого Н. П. Павлова-

Сильванского были выборными представителями крестьянского мира. Полагая, что так было и в древности, использовав около 50 грамот XV—XVI в., Н. П. Павлов-Сильванский пришел к общему заключению: «Волостная община XV в. теперь нам ясна. Грамоты XV и XVI веков дают нам точный, отчетливый рисунок и ее устройства и ее значения. Грамот этого времени не так много, и при их свете, как бывает при лунном освещении, некоторые черты остаются в тени, но главные линии рисунка выступают вполне отчетливо. От этого XV-го века нам предстоит спуститься в глубь древности, к X-му и XI-му векам Киевской Руси. В этой древности — уже не лунный свет и тени, а только слабые проблески... Здесь нет ничего подобного обстоятельным уставным грамотам, а только несколько отрывочных фраз Русской Правды и летописи. Понять эти фразы мы можем только связав их с известиями более позднего времени, связав X-й век с более ясным XV-м веком»¹. Однако не выборочное, а системное исследование всех упоминаний в источниках X — начала XVI в. десятских и сотских приводит к совершенно иным выводам. Всего сохранилось около 250 различных грамот XV — начала XVI в., где фигурируют десятские и сотские, и несколько десятков упоминаний таких лиц в законодательных памятниках, государственных договорах, писцовых описаниях, берестяных грамотах, летописных сводах. Материала оказывается примерно в 6 раз больше того, каким оперировал Н. П. Павлов-Сильванский. Естественно, такая источниковая основа позволяет гораздо яснее и глубже понять, кто такие были десятские и сотские в средневековое время. Выясняется, что эти должностные лица представляли собой звенья одной организации, возглавляемой тысяцким. Организация была построена по десятичному (десятичному) принципу. Сплошной анализ документов позволил выявить дополнительное звено той же организации — пятидесятских. Эта десятичная система возникает в определенный период развития Древнерусского государства, когда к концу X в. актуальным становится развитие княжеского (государственного) хозяйства. В такое хозяйство за определенные кредиты вовлекались люди, делившиеся для удобства организации работ и управления ими на десятки, сотни, а позднее на тысячи и полусотни, во главе которых стояли лица из княжеского окружения. Организация сначала охватывала города, а позднее распространилась на городскую округу и сельскую территорию. Десятские стояли во главе десятка (10 человек так называемых черных людей), занимались призывом на княжескую службу новых людей, наделяли подчинявшихся им денежными и материальными средствами, организовывали для исполнения различных повинностей, например строительства дворов для княжеской администрации, распределяли и взимали налоги с членов десятка, производили размежевание земель, присутствовали на судебных разбирательствах по земельным вопросам.

Хозяйственно-административная деятельность была главной функцией и сотских. В раннее время сотскими были представители боярских фамилий. Сотские организовывали производства по сотням, следили за весом и размерами различных товаров, занимались кредитованием, собирали с сотен налоги, имели право суда над членами сотни, контролировали земельные сделки на определенных территориях, участвовали в проведении земельных границ, выдавали от княжеского имени льготные грамоты новопоселенцам. Сотские принимали участие в войнах и во внешних сношениях, будучи послами и ведя дипломатическую переписку. Они обладали земельными владениями, равными небольшим вотчинам, имели право на корм от населения и на особые торговые пошлины. За убийство сотского взимался штраф, который превышал штраф за убийство рядового человека. Десятские и сотские не были выборными представителями крестьянского мира, как в свое время казалось Н. П. Павлову-Сильванскому. По аналогии с историей других европейских государств можно думать, что в средневековой Руси тоже существовала крестьянская община, но для обоснования этого нужны иные факты и доказательства.

Характеризуя проблему интерпретации древнерусского веча, П. В. Лукин заметил, что начиная с 70-х годов XX столетия актуальными были две концепции: «феодалная» (ее сторонники считали вече органом, находящимся под полным контролем «феодалов», т. е. князей, бояр и дружины, или

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 89.

даже полностью из них формировавшимся) и противоположная ей «демократическая» (ее сторонники считали вече высшим органом власти в древнерусской волости, в состав которого входило на равных основаниях все свободное «людство», т. е. все свободные городские и сельские жители). При этом некоторые историки продолжали трактовать вече так, как это было принято в классической советской историографии 30–50-х годов: как аналог представительных институтов западноевропейских городов-коммун высокого Средневековья, однако эта точка зрения теряла популярность из-за того, что в позднесоветское время историки-русисты всё в большей степени были нацелены на выявление специфики древнерусского общественного строя по сравнению с европейским. Отсюда и возникла концепция «государственного феодализма», в которую не очень «государственное» вече плохо вписывалось.

Внимательное знакомство с «демократической» концепцией привело к необходимости изучения историографии XIX — начала XX в., на которой она в значительной степени основывалась. Выяснилось, что в дореволюционное время представление о вече как о высшем органе власти было фундаментом «земско-вечевой» или «общинно-вечевой теории», безраздельно господствовавшей в тогдашней историографии и тесно связанной с представлениями об исконно общинном укладе древнерусского социума. Обнаружился парадокс: весьма квалифицированные ученые, цитируя одни и те же источники, в основном летописные, приходили к прямо противоположным выводам о том, что такое древнерусское вече. Одновременно стало ясно, что корень проблемы заключается именно в определении социального состава вечевых собраний, потому что вопросы, связанные с функциями веча, были в целом успешно решены еще в дореволюционной историографии.

Тем самым в центре исследования оказалась проблема социального состава древнерусского веча. Разумеется, «социальный состав» — это некая условность. Речь идет не о классах в марксистском понимании этого слова, не о сословиях в историко-юридическом смысле, а о более простых вещах: представители каких групп населения участвовали в вечевых собраниях с точки зрения источников и как эти группы населения в источниках характеризуются.

Совершенно очевидно, что причиной взаимоисключающих точек зрения на наш предмет было то, что вече в отечественной историографии было отнюдь не нейтральным объектом исследования, а болевой точкой, вокруг которой скрещивались копыта представителей принципиально разных научных школ и — в немалой степени — носителей разных политических взглядов. Этому способствовала, конечно, и специфика источника: вече в основном в домонгольское время упоминается в летописях, и его нечастые описания носят довольно противоречивый характер, что дает большой простор для самых разнообразных интерпретаций. Поэтому была предпринята попытка посмотреть на то, кто ходил на вечевые собрания, — не с точки зрения предвзятых концепций, а с точки зрения источников. Важно и то, что проанализированы все прямые и косвенные упоминания веча во всех источниках домонгольского времени: прежде всего летописных, но также агиографических, документальных, в иностранных источниках. При анализе летописных текстов в ряде случаев предпринимались отдельные источниковедческие исследования (например, применительно к событиям в Новгороде в 1015 г. или в Киеве в 1068–1069 г.).

Логика исследования была подсказана историографией. Раздел состоит из введения и 4 параграфов, последовательно вытекающих один из другого. Сначала рассматривается гипотеза о том, что в вече участвовала только княжеско-боярско-дружинная элита, и выясняется, что на самом деле в вечевых собраниях принимали участие и другие категории населения. Тогда, может быть, правы сторонники общинной демократии? Ответу на этот вопрос посвящены два следующих параграфа: в одном рассматривается излюбленный аргумент сторонников общинного народовластия о том, что упоминающиеся в древнерусских источниках понятия «люди», «кияне», «новгородцы» и т. д. — участники веча — это определенные термины, обозначающие рядовое сельское и городское население, «людство», которому якобы принадлежала вся полнота власти, и делается вывод о том, что эти и многие другие «социальные» термины носили общий и достаточно аморфный характер и могли применяться практически ко всем категориям населения — от простого человека до князя. В другом параграфе выясняется, что единственной

неэлитной группой населения, которая регулярно принимала участие в вече, были свободные горожане, но никак не сельские жители, об участии которых нет ни одного определенного упоминания. Становится ясным, что идея о «волоцанах», «людстве» как носители народовластия не подтверждается. В последнем, четвертом, параграфе речь идет о том, что свободные горожане — участники веча не были нерасчлененной массой, но также состояли из определенных категорий населения, в разной степени принимавших участие в управлении через вечевые собрания: осевшие в городах дружинники, купцы, ремесленники. Ни о какой «общинности» применительно к управлению древнерусским городом не может быть и речи. Единственным центром политической жизни в Древней Руси был город, а в вече участвовали почти исключительно разные группы свободных горожан. Типологически древнерусское вече может быть, очевидно, сопоставлено не с западноевропейскими городскими коммунами (хотя этот вопрос заслуживает осмысления), но с городскими собраниями, которые существовали в Центральной Европе, прежде всего у западных славян, до распространения там «немецкого права». Они описаны в Польше и особенно в городах Западного Поморья (Щецин, Волин, Дымин, Камень Поморский и др.). Вероятно, мы имеем дело с социально-политическими структурами, возникавшими у славянских и, может быть, не только у славянских народов в условиях формирования городов на местной почве.

П. С. Стефанович, рассказывая о своем разделе монографии, обратил внимание на то, что традиционно историки, обращаясь к теме боярства и дружины, останавливались, в первую очередь, на роли дружины и служилой знати в государственном управлении и на характеристике основы их материального существования (доходах от управления, торгово-промышленной деятельности, землевладения и т. д.). В разделе монографии исследовательская проблема ставится в иной плоскости: какие принципы определяли участие боярства как социальной группы в общественно-политической жизни древнерусских земель в X—XIII в., каковы были идеальные представления и общественно-правовые нормы, регулировавшие поведение боярства и его отношения с князьями, и как они воплощались или применялись на практике. Оказалось, что такая постановка проблемы может дать новые и весьма интересные наблюдения. В книге отражена только часть этих наблюдений, касающихся темы, казалось бы, частной и «несерьезной» с точки зрения традиционной социально-экономической проблематики, а именно: каким образом устанавливались формальные отношения между князем и боярином и как они разрывались, т. е. как происходили поступление на княжескую службу и уход с нее. Для одной стороны дела центральным оказался вопрос о клятве верности: приносили ли ее служилые люди князю. Для другой — вопрос о том, возможен ли был вообще на практике уход служилого человека от князя «по-хорошему», т. е. не рассматривался ли он в любом случае как предательство, и если нет, то при каких условиях дело можно было уладить полюбовно.

Формулируя главный вывод исследования, нужно сказать следующее. Отношения князя и служащей ему знати не были детерминированы какими-то юридическими нормами или экономическими законами, и они едва ли укладываются в часто используемые историками модели — феодальную, общинную, служебную и т. д. Конечно, князья и бояре руководствовались некими правилами и представлениями, но их было много и они не формулировались нормативно-систематически. Эти правила и представления могли существовать в разных плоскостях права, идеологии, литературы и общественной жизни, могли даже в чем-то противоречить друг другу, но в той или иной ситуации конфликта некоторые из них актуализировались и снимали возникшее социальное напряжение. Они не понимались как юридические нормы или нравственные императивы и относились скорее к разряду неписаных, довольно аморфных и подвижных норм, часто выражались образно-метафорически и, тем не менее, в большой мере способствовали сохранению всей политической системы древнерусских земель на протяжении веков.

Авторы монографии ответили на многочисленные вопросы коллег, которые дали высокую оценку вышедшей книге.

Материал подготовлен Е. Л. Конявской

